

УНЕСЕННАЯ СТРАСТЬЮ

**Людмила Гурченко
глотала слезы на Бродвее**

В субботу вечером главного "генералиссимуса" (в смысле — одного из хозяев компании "General Records", не считая, разумеется, всех прочих культурно-исторических заслуг) Артемия Троицкого постигло глубокое потрясение. Долго расшаркиваясь перед знатной публикой, собравшейся в богемном клубе "Кино" по случаю выхода песенной трилогии Людмилы Гурченко, г-н Троицкий похвально помянул знаменитую книжку мемуаров прославленной артистки, сказал с правом мастера изящной словесности, что написана она недурно, и предположил, что, возможно, Людмила Марковна так же неплохо и говорит (как пишет). Хотя в словах его явно чувствовалось сомнение, коренящееся, видимо, в тяжелом опыте многолетнего общения на "обломовском" диване с косноязычными в большинстве своем и узколобыми звездами местного поп-мира.

(Окончание на 7-й стр.)

Фото ТАСС.

4 ноября 1997 г. "МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ" / 7

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

После столь ободряющих слов на сцену, словно извиняясь за свое ослепительное изящество в столь почтенные годы, как-то бочком, ежась и семеня, вышла собственнo виновница торжества. Села. С внимательной кротостью вникла во все еще продолжавшийся поток тягучего троического сознания. Выдержала скромную, совсем чуть-чуть, но очень емкую паузу и уже потом открыла рот. Когда она его не без усилий закрыла минут пять спустя, чтобы наконец обозначить следующую концептуальную паузу, г-н Троицкого спасла лишь бурная реакция публики, зашедшей в энтузиазме ова-

Не будь Людмила Гурченко девушкой с характером, живым умом и беспокойной душой, возможно, ее бы все-таки благополучно засосало тухлое болото номенклатурного искусства, но она, к несчастью, оказалась "штучкой с ручкой", из-за чего самый расцвет своей жизни (в традиционном физиологическом понимании) провела в сугубом забвении, брошенной и ненужной. Чашу невостремованности она испила до дна, чему с высоты прожитых лет и покоренных вершин уже и не знает — то ли скорбеть, то ли радоваться. "У природы нет плохой погоды, всякая погода — благодать".

УНЕСЕННАЯ СТРАСТЬЮ

ции, ибо рот музкритика еще некоторое время пребывал в неподвижно-открытом состоянии. Чур! — сбросил с себя он пелену наваждения и с неизменной невозмутимостью резюмировал, что — надо же! — говорить Людмила Марковна, оказывается, может несколько лучше, чем предполагалось...

Формально субботний вечер в клубе "Кино" был посвящен завершению двухлетнего труда по изданию трех альбомов — "Хорошее настроение" (95), "Грустная пластинка" (96) и "Любимые песни" (97), на которых оказалась собрана практически вся "поющая" Гурченко, начиная с хрестоматийных "Пяти минут" из кинофильма "Карнавальная ночь", возвестившем еще в конце 50-х годов о рождении в нашей стране новой кинозвезды. Произнеся "конец пятидесятих", Людмила Марковна с неподдельным ужасом взмахнула руками и мимолетно стрельнула изумительно раскосыми теперь глазами в зеркало напротив, после чего быстро успокоилась.

А тогда еще круглолицая и с очами-вишенками кинозвезда ходила в штопаном-перештопаном зеленом пальтишке, ютилась в каком-то общежитии-клоповнике и растягивала рубль до получки, норовя грохнуться в голодный обморок на трамвайной остановке. В общем, ни фига не звезда — в смысле не Симона Синьоре в мехах и бриллиантах. Реквизитный шик отбирался на выходе из киностудии, а в жизни цвел унижающий аскетизм совкового бытия.

То время она пропало даром — от безделья артистка назубок изучила весь джаз, взапой читала, философски осмысливала происходящее в ней и вокруг нее и еще очертя голову предавалась безумным романам (страсть бурлила в ней вулканом). Потом уже эта страсть уходила в лицедейство ("Я должна была самоубийственно любить партнеров (по площадке), а на семью меня не хватало..."). Тот бесценный духовный потенциал, нажитый во времена безысходного надрыда, воплощен теперь в ее очаровывающих (особенно, если не просто слушать, а еще и смотреть) песнях-монологгах, песнях-спектаклях, песнях-откровениях. Когда она впервые попала на настоящий Бродвейский мюзикл, то долго не могла прийти в себя — потерянно брела среди суетной толпы Манхэттена, глотая слезы от неожиданного озарения — впервые увидела то, о чем мечтала и **должна** была на самом деле заниматься всю собственную жизнь...

Волшебное возвращение на Олимп все же состоялось — материализовалась еще одна версия сказки про Золушку. Почти хеппи-энд с поправкой разве что на трагизм навсегда упущенных возможностей людей того времени, к которому принадлежит Людмила Гурченко. Родиться бы ей в другой стране или хотя бы в другое время. Хотя стоит признать, что именно школа суровых испытаний подарила нам ту блистательную Гурченко, которую мы сейчас имеем.

Артур ГАСПАРЯН.